

ИГОРЬ МАЛЬЦЕВ
КАМЧАТКА-БЛЮЗ

Игорь Мальцев
Камчатка-блюз

«Литературная матрица»

2025

УДК 908(571.66)
ББК 26.89(2Рос-4Кач)

Мальцев И.

Камчатка-блюз / И. Мальцев — «Литературная матрица», 2025

ISBN 978-5-6052657-7-1

Когда русский человек слышит слово Камчатка — его сердце начинает биться сильнее. Сколь многие мечтают там оказаться, собственными глазами увидеть вулканы, гейзеры, океан, сопки и так далее — и сколь немногим удалось исполнить эту мечту. Но есть те, их еще меньше — практически тайный орден, — кто на Камчатке родился и вырос. Автор этой книги — писатель, журналист, телеведущий, путешественник, человек эпохи Возрождения — Игорь Мальцев — как раз из этих людей. Камчатку он знает как свои пять пальцев и любит ее — как сорок тысяч братьев. А рассказывает он о ней так, что впору развесить уши и не дышать. Одна проблема — после этой книги желание съездить на Камчатку станет совсем уж непреодолимым. В формате PDF А4 сохранен издательский макет.

УДК 908(571.66)

ББК 26.89(2Рос-4Кач)

ISBN 978-5-6052657-7-1

© Мальцев И., 2025

© Литературная матрица, 2025

Содержание

Предисловие	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Игорь Валентинович Мальцев
Камчатка-блюз
Очерки

* * *

- © И. Мальцев, текст, иллюстрации, 2025
- © С. Носов, предисловие, 2025
- © А. Лысиков, Э. Куни, Г. Поротов, тексты песен, наследники, 2025
- © К. Звездочетов, С. Боровков, тексты песен, 2025
- © ООО «Литературная матрица», макет, 2025
- © А. Веселов, оформление, 2025

Предисловие

На Камчатке никогда не был. Да мало ли где не был. На Мадагаскаре, например, в Антарктиде, например, не был. Читал, разумеется, и про Мадагаскар, и про Антарктиду, раз на язык подвернулись, или про ту же Камчатку до недавнего времени, фильмы смотрел, но ведь это никак не отражалось на отношении к собственному непосещению означенных территорий. Ну не был и не был. А вот теперь с Камчаткой не так. И это «теперь» наступило по прочтении книги Игоря Мальцева. Теперь Камчатка – личное что-то. Жаль, что так у меня получилось: до седых волос дожил, а не побывал на Камчатке. И маловероятно, что теперь побываю. То, что мы с Камчаткой размежевались по жизни (по моей жизни), это, что ли, изъян судьбы. Есть ощущение такое.

Потому что написано зажигательно, вот почему. Не просто увлеченно, а именно зажигательно. Чего нельзя не почувствовать – с первых же фраз: как-то сходу – со всем своим читательским воодушевлением – подчиняешься авторской воле, попадаешь под власть этого уверенного говорения, каким бы себя ни знал скептиком, ни мнил всезнайкой. Об этом читатель предупрежден в самом начале: Камчаткой можно заболеть. Тысячи приехавших ненадолго остаются там на годы, если не навсегда, – Камчатка захватывает, не отпускает. Не факт, что читатель уже приобретает билет; фокус в другом. Вся эта книга о далекой Камчатке, сама как Камчатка, способна на то же – не отпускать. Она не обязана нравиться всем, как и любая другая книга, но мне трудно представить иммунитет, способный побороть эту заразительность, низвести ее до простого читательского равнодушия. Кто считает иначе (читает иначе) – пожалуйста: книга предъявлена.

И она – о людях.

Вулканы, сказочный ландшафт, флора, фауна, океан... Но главное – она о людях.

«Какие же они крутые».

А вулканы – это прекрасно. Прекрасен белоплечий орлан. Прекрасна каменная береза. «То есть на Камчатке есть буквально все. Да еще и собственная минеральная вода. Это просто фантастическая страна». Эпитет «фантастическая» нередко появляется в тексте.

«Северные летчики – это отдельная фантастическая каста людей».

Потому что книга о людях. О фантастических людях на фантастической земле.

«...мелкие тут не выживают. В любом смысле».

Постараюсь обобщить (неизбежно огрубляя): эта книга о подлинности человеческих отношений. Мне кажется, так.

По крайней мере, это важная, если не главная тема.

Наверное, чтобы обрести такой взгляд, надо однажды уехать, поскитаться по свету, пожить в непохожих местах.

Вряд ли ностальгия верное слово, отвечающее настроению рассказчика (тут другое что-то), но читатель, и не обязательно возрастной, взрослый, способен испытать ее сам, ностальгию по чему-то в человеческих отношениях утраченному – здесь, у нас, в краях своего обитания, не на Камчатке. В этом смысле книга еще и о нас, здешних, не камчатских, хотя в ней вроде бы прямо нет ничего об этом. Но не сравнивать невозможно.

Автор как таковой, он чем занят? Вообще говоря, выступает, работа у него такая – выступать, говорить, высказываться. Читатель – при сём; и понятное дело, присутствует молча – будь он хоть трижды имплицитный. Только в данном случае, взять конкретно читателя, что ему текст? – а то: для него общение с этой книгой – встреча двух собеседников. Правда же, так и подмывает вставить слово. Согласиться, возразить, изумиться вслух, о своем вспомнить: «А у нас...»

И рисунки. Авторские. В чем-то они документальнее фотографий (да простится мне сравнительная степень). Это свидетельства. Настроения, любви, памяти, знания. Своего, личного... Поясняющий текст беглыми буквами так же на них органично смотрится, как, рискну предположить, автору за рисованием слышится музыка – а может быть, и за изречением всего развернутого монолога. Надо ли отмечать музыкальность этого повествования? Что значит музыка в жизни Игоря Мальцева, ясно из текста. И литература. И кстати – кино (повествует он кинематографически зримо, будоража наше воображение) – но тут мы вообще должны заглянуть за рамки «Камчатки-блюз»: Игорь Мальцев – великий знаток мирового кинематографа – статьи, обзоры, книга «Видеодром», одно именной канал... Кто не знает, Мальцев – много чего. Независимый – и в самом буквальном значении слова – журналистская репутация Мальцева. Про независимость читатель «Камчатки-блюз» поймет сразу. Если он не знал до этого, кто есть автор. Да чего тут – интернет под рукой. Но если не знал, может, и не надо спешить – оставьте на потом узнавание. Образ автора раскроется в тексте объемно и непринужденно, и ярче всего в интонации – в силу, опять же, раскованности. И в меру того, что это не о себе на Камчатке, но – о Камчатке, о людях Камчатки – через себя.

Я вот об этом как раз. Устаешь от «объективности» и на нее претензий. Хочется, знаете ли, «субъективного», человеческого. Чтобы кто рассказал о предмете – как видит сам его, что думает сам о нем. Здорово, что Памук написал о родном Стамбуле. Многим пример, да не у всех получится (слух, взгляд, мысль, язык...). Здорово, что Мальцев написал о Севере, о Камчатке. О своем Севере, о своей Камчатке.

Есть в книге по частному поводу, но и по всему не поспоришь:

«Просто надо уметь смотреть».

Сергей Носов

* * *

*Моей большой и талантливой семье.
Маше, Даниле, Федору, Владимиру, Маргарите, Маше Мл., Марине
Анатольевне, Ольге Игоревне и, конечно, маме*

Есть люди, которые не уверены, что они бросили, например, курить. Они могут этим гордиться десяток лет, все рассказывать, какие они герои. Но стараются не смотреть фильмов, где курят. Запрещают при них курить другим. А все потому, что они не уверены в себе. Они просто боятся сорваться.

Я вот точно так же стараюсь не думать про Север. Стараюсь, чтобы он мне не снился больше никогда.

И тут жена едет в Мурманск ставить спектакль. Никогда не был в Мурманске. Это, похоже, такой же Петропавловск-Камчатский, только лет двадцать назад и без вулканов. Ну что за город без вулканов? Как можно спокойно засыпать в городе, где тебя не охраняют вулканы?

И вот мы летим из Питера: всего-то час сорок пять. Самолет битком, какие-то иностранцы, и не только китайцы, но и японцы. Откуда тут японцы? Зачем им на Север? Как они в Питер-то попали? «Это не настоящий Север, – успокаиваю я сам себя. – Настоящий, он там: в сторону, где встает солнце, и лететь не полтора часа, а девять. Это Север-лайт, он не опасен для завязавших аддиктов. Он с двойным угольным фильтром и без кофеина».

И тут самолет ныряет под вату и начинает долгий заход на посадку на небольшой высоте.

Это была ошибка – смотреть в иллюминатор. Снег, тундра, лес, плавные холмы. Да, это именно то, что способно пробить любую психологическую защиту. Понятно, что если лететь над гигантской страной Россией, то это тоже будет снег, лес, холмы разной высоты – беско-

нечно. Но каждый регион будет уникальным, и если ты хоть раз где-то жил, то узнаешь свой снег, свой лес, свои холмы – с любой высоты.

И запах. Запах Севера.

Он пробивается даже сквозь иллюминатор. И тут ты заново начинаешь понимать, почему лучше даже не думать про Камчатку. Потому что только дай слабину – и ты опять попался.

Я долго инструктировал жену перед тем, как отправил ее в мурманский театр: ты едешь просто работать, общаться с людьми, ставить спектакль. Ты увидишь, что люди там совсем другие. Это очень хорошо. Но как только сделаешь работу, собираешь чемодан и в тот же день – домой в Питер. Никаких «а давайте что-нибудь еще поставим» и «а давайте вы подумаете насчет детского спектакля на Новый год». Ответ может быть только один: чемодан – аэропорт – Пулково. Потому что каждый день, проведенный на Севере, Север смотрит в тебя. Он окружает тебя, он проникает в легкие и в венозную кровь. И в артериальную – тоже. Образцы волос тоже покажут наличие частиц Севера. И анализ ногтей тоже определит тебя как начинающего северянина.

Стоит чуть зазеваться, и полгода «просто так посмотреть, поработать» вдруг обернутся всей жизнью, и ты вдруг поймешь, что прошло и десять, и двадцать, и сорок лет. И они пролетели тут, на Севере. И вот уже бац! – северная пенсия.

Я видел не одного и не сто таких людей, а тысячи и тысячи. Они попадали сюда с родителями, они приезжали сюда «на сезон», они приезжали сюда «подзаработать» и вернуться в свой Тирасполь к яблоням. Они приезжали сюда служить срочную службу и собирались в дембельской форме с белыми шнурами и аксельбантами вернуться к старушке-маме, которая совсем не старушка. И никто из них не смог отсюда уехать никогда.

Я знаю, о чем говорю.

Я сам такой. Я с Камчатки.

* * *

Писать про Камчатку можно несколькими принципиально разными способами. Один – сугубо профессиональный: это когда ты работаешь в местной газете. Тогда тебе просто приходится о ней писать, причем обо всем подряд – от рекордных уловов до успехов ЖКХ по части мусора. «Глядя на то, как кавалер ордена Ленина Мария Ивановна ловко управляетя с потоком краба на конвейере, понимаешь: „Да, этого у нее не отнять“».

Но, конечно, всем профи хотелось бы писать «отчерки» на всю полосу про красоты далеких территорий. Самый шик – добраться, например, до Аянки, а это что-то вроде девяти-сот километров. Тогда командировка станет практически отпуском, недоступным для простых смертных ни за какие деньги. Потому что Аянка – это поселок уже почти на границе с Чукоткой, и никаких дорог, естественно, нет. Вот это для пишущих – просто работа мечты.

В таких опусах можно было написать «олени весело бежали на забойный пункт», и почти никто не смеялся. Газет было немного – обкомовские «Камчатский комсомолец», «Камчатская правда», «Рыбак Камчатки» да «Тихоокеанская вахта» (Камчатской флотилии). И это все отдельная история.

Второй способ писать про Камчатку – когда с нее уже уехал давным-давно, а она не отпускает. Этим грешит «образованный класс» Камчатки – сотрудники институтов, например, Института вулканологии и сейсмологии. И ТИНРО? И ТИНРО...

И я их понимаю: когда после фантастической, хотя и очень нелегкой жизни среди вулканов и медведей ты опять высаживаешься в родной Ленинград/ Санкт-Петербург, который живет своей прекрасной жизнью от котлетной и рюмочной до Растрелли и Гаккеля, ты можешь взорваться изнутри, как глубоководная рыба, которую вытащили из Марианской впадины на палубу.

Когда организм вскипает от азота, мои друзья-вулканологи из чувства самосохранения пишут книжки-воспоминания. Я видел произведения какого-то геофизика, которого Камчатка не смогла оставить даже в таком совсем не камчатском месте, как Калифорния, – все пишет и пишет, вспоминает и вспоминает. А я знаю почему. Потому что если сесть на песок на Венис-Бич в Лос-Анджелесе, у тихоокеанского прибоя, и хорошо присмотреться, то ровно напротив тебя, через океан, – будет Петропавловск-Камчатский. И от этого никуда не деться.

Перед авторами всегда встает дилемма. Можно посвятить свой текст полностью описаниям природы. Ведь одни только названия вулканов можно катать на языке, как камушки, половину книги: Кихпинич, Тунупилянум, Иктунуп, Айнелькан, Кахтана, Тильмыг, Кайленэй, Хувхойтун, Кевенэйтунуп, Ука, Ульванэй, Алнгей, Киненин... И это я только начал. Там еще сотня наберется.

С таким же успехом можно писать книгу про Шотландию – просто перечнем гэльских названий местного виски. Очень похоже на названия камчатских вулканов: Кининви, Отруск, Ардбег, Туллибардин – там наберется еще сто двадцать штук.

А еще всю жизнь можно писать про белоплечего орлана, потому что это редкая, уязвимая огромная птица, и жизнь ее нелегка. Про камчатского медведя – тем более. Хоть и страшновато. Но давно уже нет среди нас Пришвина и Бианки, а также Мамина-Сибиряка-Соколова-Микитова. Кто поднимет их знамя? Да никто.

Тогда остается жанр анекдота. В старом, конечно, значении. Как его понимал Дидро, хоть это и не камчатский автор. И дней минувших анекдоты от Ромула до наших дней хранил он в памяти своей. И далее по тексту А. С. Пушкина, которому чуть-чуть не хватило времени, чтобы дописать статью о Камчатке (тридцать семь с половиной страниц в академическом собрании поэта – «Заметки при чтении „Описания земли Камчатки“ С. П. Крашенинникова»). А вы думали, это Цой?

Действительно, жизнь в таком месте подразумевает постоянную борьбу – с погодой, с брожением тектонических плит, с океаном, с неустроенностью, с временщиками, дураками и прочей фауной. И каждый конфликт – источник драматургического осмысления, то есть по факту – анекдот.

Конечно, на Камчатке есть тайный культ старых авторов, которые не писали ничего лишнего из-за отсутствия интернетов и благодаря хорошему образованию – Карл фон Дитмар, Степан Крашенинников, Василий Головин, Геннадий Невельской, Николай Мономахов и даже Борис Пийп. Это были великие авторы. Без самолюбования, все по делу: дошел, открыл, зафиксировал «одна им от медведей, но и то не всегдашняя обида, что отнимают они у баб собранные ягоды», ушел. Или не ушел. Как Беринг. А на острове Медный, оказывается, есть медь.

Когда-то у меня была мечта – найти в амстердамских-лондонских антикварных лавках еще то, самое первое издание книги Крашенинникова, ну хоть какое-нибудь из них – начиная с первого английского 1755 года. Или хотя бы вырезанную из томика гравюру типа «Внутреннее строение зимней камчатской юрты и как женщины сидя по парам в разных трудах упражняются». Потратил на поиски годы, но нет. Что угодно есть, а Крашенинникова нет. Где вы, женщины, сидящие по парам?

И тут совсем недавно осенило: такие территории, как Дальний Восток, Крайний Север, Камчатка, – это все неопишемое в прямом смысле слова – сколько ни пиши, все равно все не опишешь. Чехов это понял довольно быстро на Сахалине и остановился на человеческом. Ну, хорошо, на каторжном. Русская интеллигенция всегда умела найти все самое доброе и вечное в своей стране и написать «Записки из мертвого дома» или «Сибирь и каторга». Но все равно же это про людей, с элементами правозащиты, а не про багульник, который на сопках растет, кедры вонзаются в небо, спасибо, дядя Шаинский – слова Морозова. Исполняет ВИА «Самоцветы». А ведь есть люди, которые считают багульник ядовитым.

И вот эта неопишуемая природа и жизнь между прибором и лавой обрушивается на плечи человека и начинает его ковать на свой лад. Соблазном и шантажом, угрозой смерти и обещаниями бесконечной красоты, крабом и тигром, помахивая мыслями о «материке», куда все когда-нибудь вернутся и наконец заживут по-настоящему. А потом оказывается, что по-настоящему – это было здесь и только здесь. А все остальное – банальное существование. Возраст дожития – для тех, кто оставил и все-таки уехал, не дожидаясь места на самом неудобном кладбище мира – Халактырском.

Оказывается, единственное, что можно здесь описать хотя бы со вторым классом точности (как в обработке металлов), это люди, которые жили и живут здесь. Когда они рядом, ты не замечаешь в них ничего особенного: ну, да, каждый по-своему интересный. А потом, когда или ты уехал, или они ушли, понимаешь, какие же потрясающие они были, удивительные, талантливые, масштабные – безграничные на полную катушку. Потому что мелкие тут не выживают. В любом смысле.

Ежели тут человек ненароком оказался гнидой, у него резко повышается риск замерзнуть в пургу. Ну заблудился, кричал – не услышали. Засыпало снежком, спи спокойно.

Или как на пароходе. Вот гнилой человек оказался, пока все пашут четыре через четыре или шесть через шесть, машина – консервный цех, промысловая палуба, траловая доска. Десять центнеров улов. А человек вдруг гнилой. Так он рано или поздно поскользнется, за борт свалится. Может, и кричал что – никто не услышал. Пока команда «человек за бортом», пока пароход опишет круг – «лево на борт» или «право на борт», а вода плюс ноль. Больше двух минут продержаться невозможно. Упс, какая незадача.

Просто на Севере надо жить так, чтобы ненароком не поскользнуться в одиночку с парохода, на котором сто человек, включая мотористов и библиотекаря. Не забыть буфетчицу, но о ней обычно всегда помнит старший помощник. И чем дольше промысловый рейс, тем больше помнит.

Как попадали/-ют на Камчатку? Самолетом. Раньше – еще и пароходом. Извините за профессиональный жаргон – когда ходишь в море, привыкаешь все виды судов называть пароходом. Или «корытом» – независимо от стати, размера и вида энергетической установки. Мне даже больше нравится «корыто» – в этом слове много нежности и любви.

Парохода было два, и носили они гордые названия «Советский Союз» и «Русь». На самом деле это были Albert Ballin и Cordillera с гамбургской верфи Blohm & Voss. Ну а что? Имеем право. Право победителей. Правда, «Кордильеру» пришлось поднимать со дна, потому что ее утопили американцы в Польше. Альберт Баллин был евреем, поэтому судно с его именем маркетологи в черной униформе переименовали в Hansa. Под этим титулом пароход и подорвался на mine. Его тоже достали со дна, и Hansa стала «Советским Союзом».

Зато в 50-е линия Петропавловск – Владивосток получила два шикарных парохода с убранством в стиле ар-деко и даже внутренним бассейном. С войны прошло всего двенадцать лет. Кто воевал – имеет право у тихой речки отдохнуть. И пройти по главной лестнице, достойной самого «Титаника».

Мне очень жаль поколений, которые никогда больше не увидят настоящий судовой шик ар-деко в реальности. Только в глупых и не очень американских блокбастерах или, в лучшем случае, пластиковое нечто на огромных нелепых круизных пароходах, где спасательных средств в два раза меньше, чем пассажиров-туристов.

Если строго технически – «Советский Союз» был паротурбоходом, и до Петропавловска из Владивостока он шел восемьдесят четыре часа. Всего. Хотя, конечно, бассейн внутри – довольно противоречивая забава. Немножко клаустрофобично. Во всяком случае, в детстве мне именно так и ощущалось. Всегда чувствую себя лучше на палубе, чем под ней.

Но касаясь «Советского Союза».

Есть такая штука на море, как магия имени. В море вообще – сплошная магия, но тут отдельно. Был ли Альберт Баллин хорошим человеком? Нет. Это он придумал для своей гамбургской пароходной компании отправлять евреев-эмигрантов в трюмах грузовых пароходов в Америку за полный билет в нечеловеческих условиях. Судно с его именем было обречено так или иначе. Хоть потом оно стало «Ганзой», то есть налицо отсыл к Ганзейскому союзу городов, куда входил даже Великий Новгород... Ну какой, к черту, союз городов при Гитлере? Он оккупировал Новгород уже в 1941 году. «Ганза» избежала судьбы «Вильгельма Густлоффа» только потому, что у нее заглох главный двигатель и подводник Маринеску до нее не добрался в тот день. Но все равно ее отправили на дно летчики в Свиноусцье-Швайнемюнде. Он же «Свиная пасть».

Когда решили в 1980-м покончить с лайнером «Советский Союз», то поняли – есть проблема. «Советский Союз» невозможно продать. «Советский Союз» невозможно пустить на металлолом. «Советский Союз» невозможно разрезать на куски. Во всяком случае, в 80-е люди еще верили, что это так.

«Продан „Советский Союз“!» – таких заголовков не могло появиться в советской прессе никак, но люди между собой именно так бы и говорили. «Ну, что, брат, пустили наш „Советский Союз“ на металлолом». Потому что этот лайнер был для камчатских неколебимым свидетельством того, что они живут не на острове и большая страна вот она – всего семьдесят четыре часа хода.

Дальневосточное пароходство трусливо переименовало его в «Тобольск» и продало его на металлолом. Резали его на куски уже в Гонконге.

С чего они взяли, что «Советский Союз» резать нельзя, а «Тобольск» – можно, не очень понятно. Наверное, потому что Тобольск далеко – и от Москвы, и от Владивостока, и никто из местных не увидит ненужного символизма. И не будет ворчать.

* * *

Но нет, это был не пароход. Это был ночной рейс самолетом Ил-18 из Владивостока до аэропорта Елизово.

Сначала на шлюпке через канал, который отделяет остров Елена от Русского острова. Сейчас, когда Русский весь такой модный, с мостом и кампусом, трудно поверить, что на самом деле острова там два.

Остров Елена был местом, где стояла секретная часть морской радиоразведки моего отца. И она была некоторым образом изолирована.

В этом нет никакого уже секрета. Скорее всего. Потому что достаточно посмотреть спутниковые снимки на всех гуглах, чтобы увидеть, что там ничего уже нет – только остов дома, где мы жили, фундамент технического здания, где все служили и несли вахту. Ничего. Наверное, с тех самых лет, когда министр Козырев, ныне гражданин США, целовался с этими самими США взасос и делал все, что они велели, дабы выдернуть все зубы «советскому дракону». И выдернули.

Но остров Елена – это такая копна зелени в океане (технически, конечно, в заливе, но «океан» звучит гораздо круче, привет, старик Хэм). Склоны резко срываются к воде, и почти весь остров опоясан довольно каменистым узким пляжем. Там мы учились плавать раньше, чем читать.

Я не знаю, как сейчас, но тогда, в 60-е, бухты и острова вокруг Владивостока – это было естественное буйство гастрономии. Иногда в магазинах не было хлеба, почти всегда не было мяса. Но местные не слишком жаловались. Потому что все ловили еду себе сами, а картошка росла в огороде. Что может быть лучше трепангов с картошкой? Говорят, сейчас есть банды по нелегальному вылову трепанга. Охотно верю. Но тогда все ловили столько, сколько нужно

на ужин. И государству не было до этого дела. Странно предъявлять гражданам претензии, что они сами себя пытаются прокормить, если не можешь обеспечить их мясом или, скажем, хлебом. Мы же помним хрущевский 61-й год. Это вы не помните, а мы – помним. Бесплатно и без регистрации на нашем сайте.

Мы выходили недалеко на лодке, отец доставал со дна трепанга, которого смешно называют «морской огурец». Это такое небольшое создание, живущее и передвигающееся по принципу реактивного истребителя типа Миг–15, только медленней. А еще у него мягкие шипы. Ах, да: он же, по науке, из иглокожих. Иголкожие лежат на шлюпочной банке и, пока мы идем домой, они из круглых упругих ракет превращаются в плоские кусочки морской плоти. Дома с ними надо еще что-то делать – чистить, желательно в чем-то мариновать, нарезать на ломти, как «Тобольск» в Гонконге, но об этом лучше спросить мою маму. Я помню только конечный результат в виде картошки с необычными грибами. Но вот что странно – я с тех пор ни разу нигде не пробовал трепанга.

Трепанга или трепангов? Гребешков или гребешка? Креветок или креветку? Это старая филологическая задача. Причем в разных языках. Как показывает практика, по употреблению shrimp или shrimps можно определить не только образование человека, но и цвет его кожи.

Ну, в общем, если ты идешь нырять за самым вкусным, что есть в заливе Петра Великого и в бухте Золотого Рога, и даже в Босфоре Восточном, то ты точно идешь за гребешком в единственном числе. Независимо от того, сколько именно зверей ты смог поднять со дна.

В ловле гребешка есть что-то от языческого праздника. Они водились тогда как-то совсем неглубоко, так что пятилетний ребенок мог донырнуть. При этом на пляже уже разведен костер, и он догорает, остаются угли и вообще уже скоро надо идти домой. Но тут достается ножик, и лезвием проводится между створок. Туда можно даже кинуть соли и перца, и раковина ставится на угли.

Через некоторое время гребешку становится не по себе, и он распахивается. Потом – обратно закрывается. Еще чуть-чуть, и все хлипкие внутренности вокруг главного мускула обгорают, и его можно и нужно есть. Такой гребешок даже вкусней камчатского краба, вкусней омара и главное – гораздо вкусней, чем то, что вам подают в ресторанах за дикие по местным меркам деньги. В любой стране и в любом городе.

Для тех, кто не углублялся в тему, сообщим, что гребешок бывает разных видов, причем этих видов штук двести. Тот, что во Владивостоке, – это гребешок Свифта. Есть еще Магелланов гребешок. А то, что едят в Европе, называется гребешок св. Якова. Того самого, что лежит в городе Сантьяго-де-Компостела. Говорят, гребешки вынесли святого Якова из моря и спасли его от неминуемой смерти. Я не знаю, как они это сделали – ведь у них нет ни ног, ни щупалец, и движутся они, как многие морские создания, на реактивной тяге. Не доверяя мифам и легендам католиков, поехал в Компостельский собор, посмотрел: точно выносят, как спасатели на руках, только без рук. Чудны дела твои, Господи.

Но минутка Паустовского/Бианки в разделе «Дальний Восток собственным ртом без вилки и ложки» закончена. Более того, костер догорел, солнце садится, пустые раковины брошены обратно в море, надо домой, через неделю первый раз в первый класс. Вообще-то надо было предупреждать детей – какая гадость эти хризантемы и пионы на школьной линейке 1 сентября. Хотя, может быть, вот этот невыносимый запах и предупреждает, что впереди у тебя десять лет какой-то каторги. И никакой Чехов за вас не заступится жгучим глаголом.

Но мне вот интересно – а сейчас детей отпускают одних на целый день на море? Самих. Без присмотра.

Это как вообще? Я своих не отпускал. И внуков не отпускаю. И даже, наверное, правнуков. А вдруг на них нападут медведки?

Вы будете смеяться, но медведка – это одно из названий креветки во Владивостоке. На вид – диковатое создание. Да просто жуть, если честно.

Вообще непонятно, что и как влияет на детскую психику. Ведь на Русском острове были и зима, и снег. Более того – лед был такой, что можно было с мамой дойти пешком от Елены до Эгершельда. А в памяти это навсегда зеленый теплый остров с обрывами до моря, где вечно волна, в которой можно купаться. Я не знаю, как это работает. Почему это снится годами и десятилетиями. Сдается, что на Дальнем Востоке множество мест, которые потом снятся детям, даже если они уже взрослые, да и не живут там давно и уехали учиться в Питер на инженера-технолога химической промышленности.

Но ведь это лучше, чем всю жизнь носить в себе картинку с двором-колодцем, над которым реет мутное небо?

Так можно скатиться до вульгарного социал-дарвинизма, но бытие все же определяет сознание. Если в детстве смотришь с сопки Крестовой на бухту Золотой Рог, на Амурский залив, на пролив Босфор Восточный, а теперь еще и на два моста, Золотой и Русский, смотришь не потому что ты турист, а просто потому что проходил мимо, потому что ты тут живешь, – вырастешь совсем другим человеком. С другим чувством масштаба и глубины. Тот самый случай, когда бескрайняя природа воспитывает себе совсем другую породу людей. Пардон за слово «порода». «А не махнуть ли нам завтра на остров Аскольд? Или на Путятин? А, может быть, в бухту Патрокл?»

Вы слышите магию топонимики?

Но вот какая странность: в таком возрасте совсем не запоминаешь людей. Наверное, ребенок воспринимает все очень физиологично – свет, звук, запах, море, гребешок, трепанг. И, естественно, не понимает значимость тех или иных людей в том месте, где ему довелось жить. А ведь Владивосток – бесконечный конвейер выдающихся, умных, парадоксальных, мульти-талантливых, влиятельных в масштабе всей страны людей. Они все потом ворвались в мою жизнь, но значительно позже – Немцов, Лагута, Мамонтов, Сунгоркин – их полно, приморских, без которых Москва была бы совсем другой.

А вы знаете, что дальневосточники так или иначе в Москве образуют довольно сплоченную общность? Более того – мы узнаем друг друга по взгляду, по глазам. Но я вам не скажу, как. Это секрет. Если расскажу, то мне придется вас заточить на острове Елена, как Наполеона. С гребешком св. Якова.

* * *

В общем, Камчатка была неизбежна.

Шлюпка, катер ПСК, машина, Ил-18, ночь, Елизово.

Как определить московского диктора? Он/она говорит Елизово и Мильково, в то время как камчатские говорят Елизово на букву Е и Мильково на букву И.

Откуда тебе знать, что такое Камчатка, если ты никогда в жизни – пока еще очень короткой жизни – ее не видел, а видел только зеленые острова в океане? И к тому же проспал всю дорогу до нового дома? И вот рано утром ты просыпаешься и идешь к двери на улицу.

Все знают сказки про то, что в каком-то доме есть дверь, откуда можно выйти в какой-то другой мир – то ли маленькая зеленая дверь в стене, то ли просто дверца шкафа, открыл – и улетел. Я знаю, откуда берутся такие сказки. Открываешь дверь домика на четыре офицерские семьи – и все.

Под ногами хрустит ледяная корка, а ты поднимаешь глаза, и вот перед тобой стоят три огромных вулкана – близко-близко, красные, потому что рассвет. И над ними совсем другое небо, чем над Владивостоком. И похоже, что это сразу космос, а не просто небо.

Не надо хихикать – я про космос уже тогда все знал. Мне папа рассказывал, когда мы ходили по пятницам из бани (четверг – личный состав, пятница – офицеры, суббота – женщины). Но после того как я узнал, что вот эти звезды, которые светят, может быть, давно уже не

светят и вообще умерли, и свет теперь идет сам по себе через вселенную, – это было настолько страшно и тоскливо, что дальнейшее наблюдение за космосом давалось с большим напрягом.

Простите, мой уважаемый пра-дядюшка Николай Сергеевич, построивший Крымскую обсерваторию, извините. Не нужен человеку космос, не нужны человеку звезды, потому что даже мысль о них – это ужас. Никто не обещал, что природа создана для человека, она вообще-то совершенно враждебна человеку. Перпендикулярна. Тупо выжить среди всей этой природы – уже нетривиальная задача. Но ведь люди, которые пробуют, и пытаются, и иногда даже побеждают. Хотя бы ненадолго. Я потом расскажу о таких, точнее – о таком.

Я же говорю – берегите психику ваших детей. Тоскливей мертвых звезд – только степь, полная ковыля, по пути от Владивостока до Уссурийска.

Меня, кстати, недавно спросил вполне взрослый и образованный человек – что такое ковыль. Ну как что – такое серебристое растение с тонкими колосками. Целое поле смертной плоской тоски до горизонта. Ковыля и тырса. И нет, перед фанатами степей извиняться не буду, да, даже перед Буниным с Кольцовым не буду, ковылем густым степь белеется. Пусть белеется сколько хочет. Если ты ничего, кроме степи, не видал, то про вулканы не поймешь никогда.

Вулканы перед глазами с утра пораньше это, наоборот, – праздник. Это театр, кулиса, геологическая катастрофа и единственная стена дома, где можно прожить всю жизнь и ни разу не почувствовать себя незащищенным.

Проблема одна: эта картина – красных вулканов на заре, буквально у твоего порога – выжигается на сетчатке глаза, на зрительном нерве и в той части мозга, которая отвечает за картины с вулканами. Ее не стереть и не забыть.

Я хоть сейчас могу нарисовать все, как это выглядит. В любом стиле – могу под Каспара Давида Фридриха (тяжело), под Архипа Куинджи (тоже надо повозиться, имитируя гладкий мазок), под Миро (уже легче). Ладно – обойдемся стилизацией под Малевича. Проще некуда. Тогда это будет слева направо две пирамиды, одна из них, скорей, трапеция – Корякский и Авачинский и один купол – Козельский. Берем кадмий красный и одну-единственную кисть жесткую синтетическую. Готово.

Но картинка будет пахнуть кадмием и льняным маслом. Она никогда не будет пахнуть ноябрьским утром, кедром, сухой травой подо льдом, пустой коптильней для рыбы и самой красивой из трапедий – вулканом Авача.

У Авачи есть сестра.

Как-то попалась мне на глаза фотография – будто бы американские истребители F-4, они же «Фантом», летят над Авачей. Только это была гора Фудзи. Вот просто вылитая Авача. И даже у Хокусая и Казаматцу Сиро на деревянных гравюрах – вылитая. Прямо удивительно. Я потом специально поехал посмотреть ее вживую. Так нет – вообще совсем другая гора. А если смотреть из центра Токио, то и не Авача вовсе, а скорей вулкан Корякский. Так что бог с ней, с Фудзиямой.

Вот только совсем недавно я задумался о том, что в школу мы пошли спустя ровно двадцать лет после войны. То есть на самом деле – всего ничего. Тут то и дело медийные кампании и частные всхлипывания – кто чего украл тридцать лет назад, и битва такая, словно это было только вчера. А для 1965-го война – это всего двадцать лет. Тут можно много чему удивляться, но больше всего удивляюсь тому факту – что мы уже тогда знали F-4 Phantom от Макдоннелла-Дугласа. А немецкие самолеты – машины страшного врага, который вот только-только был побежден, – нет. Мессершмитт? Что?

Есть у меня теория. Вот идешь из дома в клуб, где библиотека, а в библиотеке работает мама. И проходишь обязательно мимо матросского кубрика – не дай бог назвать это казармой. Это у вас, у сапогов, «казарма»; у нас – кубрик. А оттуда несется песня под гитару «Мой „Фантом“ стрелою быстрой в небе голубом и чистом с ревом набирает высоту». Товарищи моряки проводят личное время культурно, при помощи музыки и пения. Может, оттуда мы и знали, что такое F-4 – «Фантом».

А скорей всего – потому что часть наших отцов регистрировала выходы авианосцев с военно-морской базы США, Йокосука, Йокогама. Взлеты, переговоры, посадки – всю активность совсем недалеко от наших границ. Потому что Дальний Восток, Север – это все и всегда было прежде всего про границу. И только потом про амурского тигра и лосося с крабом. Седьмой флот, все дела – даже название «Мидуэй» нам о чем-то говорит. А «Мой „Фантом“ стрелою быстрой в небе голубом и чистом» – это чистая апроприация от обратного. На вахте мы эти ваши «Фантомы» прослушиваем, а в свободное время про него поем в народной дворовой песне в кубрике. Дальний Восток – плавильный котел народов и культур. А мы что хотим, то и сплавляем. Только подноси. Имеем право. Мы тут живем.

Если уж начинать рисовать. Я помню даже, как именно стояли дома в нашей новой воинской части радиоэлектронной борьбы. Что тоже не является больше секретом – спросите Шеварднадзе, зачем он их всех убил. А также судьбы и труд тысяч моряков и офицеров, которые служили в местах, где люди стараются вообще не жить – от Североморска и Большого Камня до Петропавловска-50 и поселка Ключи.

Все воинские части в таких местах были построены примерно одинаково. Одна половина – это все, что нужно для службы: от свинарника (вежливое название «хозчасть») до котельной, плюс клуб с киноустановкой и библиотекой, ну и казарма. А другая – жилая и, конечно, футбольное поле без травы. Улиц как таковых не было и быть не могло. По-моему, почтовый адрес на всех был один. Вообще на всех.

Зато дома все как-то назывались, обычно по фамилии какой-нибудь офицерской семьи. И только два дома назывались по цвету стен – Белый и Розовый, и были они больше двух этажей в высоту.

С этажами на Камчатке надо поаккуратней. А то будет, как в ноябре 1971 года, когда некоторые выпрыгивали из окон. Но это было в Петропавловске, а он далеко. Моряки на суше из окон не выпрыгивают. А на море нет окон. Там иллюминаторы.

И вот в том самом Белом доме было положено начало коллекции удивительных людей. Людей, которые возможны только на Севере и Дальнем Востоке. Они или воспитаны Севером, или их притягивает Север – как раз потому что они северного масштаба личности. Будучи совсем юным, я поначалу даже не понял, с чем, то есть с кем, столкнулся.

Причем приходят такие люди в твою жизнь как бы совершенно случайно. Как в плохо закрытую дверь – практически бесшумно.

В таких северных частях и гарнизонах есть начальные школы. Так как школьников на пять классов не хватает (в первом три человека, во втором – один, в третьем примерно так же), то все дети занимаются в одной комнате, максимум в двух. Да, в этом есть что-то от картины Маковского 1883 года. Но у господина художника это немножко обличение царского строя, а у нас довольно весело.

И была у нас учительница Гертруда Глебовна. Как вы понимаете, такое имя сначала трудно выучить, а потом невозможно забыть. А еще она была нашей соседкой в Белом доме. Поэтому она и делилась с нами кое-какими сведениями о себе.

Ее девичья фамилия была Травина. А стало быть, ее отцом был Глеб Травин.

Людам, которые требуют себе велодорожек, латте и никогда не спешиваются на «зевре»: что вы можете знать про Глеба Леонидовича Травина?

Глеб Травин не ездил по велодорожкам от заботливого мэра. Глеб Травин – это как раз идеальный пример титана, достойного северной природы. А еще того времени, когда свершился великий выброс человеческой энергии. Вот видели, как извергается Ключевская сопка с облаком на десять километров в небо? Не видели. Ну, что-то типа того, только в масштабе целой страны.

Можно считать его нашим, камчатским, хоть и был он из Пскова. Но уже к концу 20-х (тех 20-х, не этих) он был в Петропавловске на коммунальной электростанции, пока она строилась, и стал на ней электриком. Электричество – модная, яркая тема для эпохи ар-деко. Для Камчатки вдвойне важная тема – ведь до сих пор электросеть Камчатки никак не связана с энергосистемой страны. Ну так, для справки.

Но у электрика Травина была мечта. Похоже, затея состояла в том, что провести как можно больше времени без электричества. Да вообще безо всего. Травин хотел совершить кругосветное путешествие на велосипеде. Но советская власть не очень повелась на эту идею. И тогда Травин решил проехать вдоль границ СССР. Один. Без вертолетов МЧС и страховки.

Удивительно мудро повело себя камчатское начальство – оно решило поддержать идею молодого физкультурника. Горисполком специально для него заказал настоящий американский байк, хотя, конечно, их тогда так не называли. Новенький «Принстон-404» цвета пролетарской революции. Через некое акционерное общество.

Вот современный человек, если вдруг решил прокатиться на велосипеде не то чтобы по всему Северу страны, а, например, из Москвы в Нижний Новгород, как он подготовится к путешествию? Ума не приложу. Пластиковую карту, воды немного и что еще? Рюкзак с фотоаппаратом или можно обойтись смартфоном?

Глеб Травин купил на свою зарплату электрика камеру Kodak. Нигде не сказано, как именно можно было купить американский фотоаппарат в 1928 году, сидя на Камчатке, но мы вообще многого не знаем про то, что происходило в таких местах в 20-е годы.

А еще в дорогу Глеб собрал: три килограмма галет, кило шоколада неустановленного производителя, лекарства, инструменты и одежду разную. Оружия при нем не было.

То есть вот человек собрал все, что нужно, чтобы покорить тысячи и тысячи километров бездорожья. Да, еще была «регистрационная книжка».

Интересно, а сейчас есть такое понятие «галеты»? Оказывается, есть.

Еще раз перечитал, что с собой взял Травин. Кажется, он был очень смелый человек. А еще не чуждый символизма: он дал обет, что не будет стричься, пока не закончит путешествие. Для волос он приготовил кожаный ремешок. Понятно, что в таком виде он стал походить на персонажей «Калевалы».

Питаться он собирался охотой и собиранием ягод.

А теперь представьте себе карту СССР 1928 года. И вот, начиная с Владивостока, Глеб и поехал – через Хабаровск, Байкал и дальше вдоль Транссиба. Потом через все Таджикистаны. Он даже попросил сделать ему нарукавную повязку с надписью «Путешественник на велосипеде Глеб Травин» на таджикском. Естественно, слова «велосипед» на таджикском не было. Так и написали: «...на шайтан-арбе». А мы смеялись над Ильфом и Петровым. Оказывается, так оно и звучало – «чертова телега». Не хватает только халата из ватного одеяла.

Интересно, на кого охотился Глеб Травин в Таджикистане? Может, это написано в книге «Человек с железным оленем» Харитановского? Я даже помню, как она выглядит – такая книга была у моей первой учительницы Гертруды Глебовны. Основные документы по путешествию Травина уничтожили многочисленные родственники, после того как биографа Травина Вивиана Итина арестовали как японского шпиона. И вообще товарищ Берия не оправдал доверия...

А Травин далее поехал через Тбилиси, Грозный, Севастополь, Харьков, Москву, Петро-заводск. И если даже просто по карте, то получится, что одно только путешествие по северному маршруту Травина – это что-то вроде десяти тысяч километров. По льду, по талой воде, в мороз и пургу. Проваливаясь под лед.

С рыбным меню и отрезанием обмороженных пальцев. Хотя время от времени он встречал людей и даже оставался на месяцы в далеких поселках – даже учителем работал в Русском Устье на реке Гусиной. И в 1931 году дошел до мыса Дежнева. А оттуда – ушел на пароходе до Камчатки, домой.

Так там и прожил до пенсии. Кстати, преподавал в годы войны в Камчатском моррбтехникуме, который потом стал Дальрыбвтузом, где я неожиданно для себя учился на инженера-механика. Там было много удивительных людей среди педагогов, но ни разу за пять лет я нигде в институте не встретил ни одного упоминания Глеба Травина. Почему – не понимаю, но теперь подозреваю, что кто-то снимет про Травина сериал, и будет он халтурой. Идей мало, контент надо гнать любой ценой.

А сам Травин не много рассказывал про путешествие. Дочь его Гертруда Глебовна тоже не очень часто об этом говорила. Вот такой скромный титан нашей Северной вселенной.

Я, кстати, не так давно искал первую учительницу – естественно, в Пскове, но она умерла. И брат ее умер совсем недавно. Все закончилось.

И только глядя на улицы Москвы, перекрытые для горделивого проезда любителей соевого латте на их велосипедиках, под охраной полиции и под проклятья пешеходов и автомобилистов, я слышу, как с неба тихо смеется камчатский велосипедист Глеб Леонтьевич Травин.

* * *

Никогда не называйте нас камчадалами.

Хотя бы потому, что камчадалы – это этническая группа, которую пытаются называть какой-то «этнографической» группой. Этнографичность оставьте музеям. А камчадалы – это старые поселенцы, казаки, русские, которые смешивались с ительменами. Потом так стали называть и потомков смешанных браков между русскими переселенцами и коряками, а также эвенами и якутами.

В 1927 году советская власть выделила камчадалов в отдельную народность. В постановлении от 27 июля 1927 года ОКР Бюро ВКП(б) зафиксировано: «Констатировать, что ту часть населения полуострова, которая именуется себя камчадалами, говорит по-русски и живет оседло, не относить к числу мелких туземных народностей северных окраин». Этот документ подтверждал признание камчадалов как отдельного этноса.

Единственное название для местных жителей, которое хоть как-то соответствует законам русского языка, это «житель Камчатки». Потому что «камчатцы» – это ни в какие ворота. Но

и без него не обойтись никак. Как Ленинграду без ленинградцев. Хотя насчет феминитива тут и думать не хочется, потому что все равно в лучшем случае получится опять «камчатка».

Камчатский брендинг, маркетинг и нейминг – вещь затейливая, способная конкурировать только с неймингом питерских кафе.

Впрочем, когда люди произносят слово «Камчатка», они часто имеют в виду что-то совсем другое. Нет, я не про Цоя. Хотя и он тоже.

Вот, скажем, идем мы как-то по Будапешту. Вывеска на дизайнерском магазине Kamchatka. И все – от платьев до сумок – Kamchatka. Хотя хозяйка даже не знала про полуостров.

Вот идеальная загадка для какого-нибудь шоу знатоков: «Что общего между Камчаткой и Сирией?» Время пошло.

Подсказка: Дамаск-дамаст-дама-камка-камча-камчатка. Ткань такая, которую в Дамаске ткали со Средних веков. И в России ее знали еще до Петра Великого. И ежели у какого казака по имени Иван было прозвище «Камчатый», то это от названия ткани. Существование этого первооткрывателя довольно мифологично: никто не знает, дошел Иван Иванович Камчатый до полуострова или нет. Но вот что любопытно – на амстердамской географической карте, которую составил тамошний бургомистр Витсен еще в семнадцатом веке, река Камчатка значится как река Damaste. То есть дамасская.

Но и этой карты я не нашел ни в одном амстердамском антикварном. Наверное, все по этнографическим музеям разобрали.

А будапештская дизайнерша Марта, оказывается, до сих пор делает свои вещи Kamchatka и продает их в соседней Вене, да и в Гамбурге тоже. Ну и славно – люди ходят в Камчатке и сами о том не подозревают.

Но есть и другие истории про Kamchatka-бренд. Вот одна из них. Документальных доказательств нет никаких, но она давным-давно ходит среди камчатских рыбаков (индустриальных, не любителей). Наверное, даже вам попадались фотографии крабовых консервов Chatka. А ваши родители и дедушки, наверное, даже видели их на полках. И американцы помнят, наверное. Потому что первая партия крабовых консервов Kamchatka предназначалась именно для Америки. Наверняка по программе расплаты за какой-нибудь лендлиз.

Вы же знаете, как устроена старая этикеточная машина? Это очень простой аппарат, где рулон с этикетками режет нож. И дальше отрезанная этикетка накатывается на банку. Это если примитивно. Так вот: если неправильно отстроить ленту, то нож отрезает в неправильном месте. Вот и получилось Chatka вместо Kamchatka. Так и отправили американцам. Не переклеивать же всю партию, все равно товарищ начальник не заметит. А американцам все равно.

Тогда их еще никто не называл пиндосами, но и никакого низкопоклонства не было. И тогда еще помнили, что на мысе Лопатка лежат обломки американских самолетов, которые были потеряны ими во время боев с японцами. И один «Дуглас» нашли потом рядом с аэропортом Елизово (с ударением на Е, если вы забыли).

Консервы зашли американцам, и наши зарядили следующую партию уже с исправной этикеточной машиной. Все как надо – блестящие баночки с бумажной этикеткой Kamchatka. Внутри крабовые ноги, о которых мы еще сложим стихи и песни.

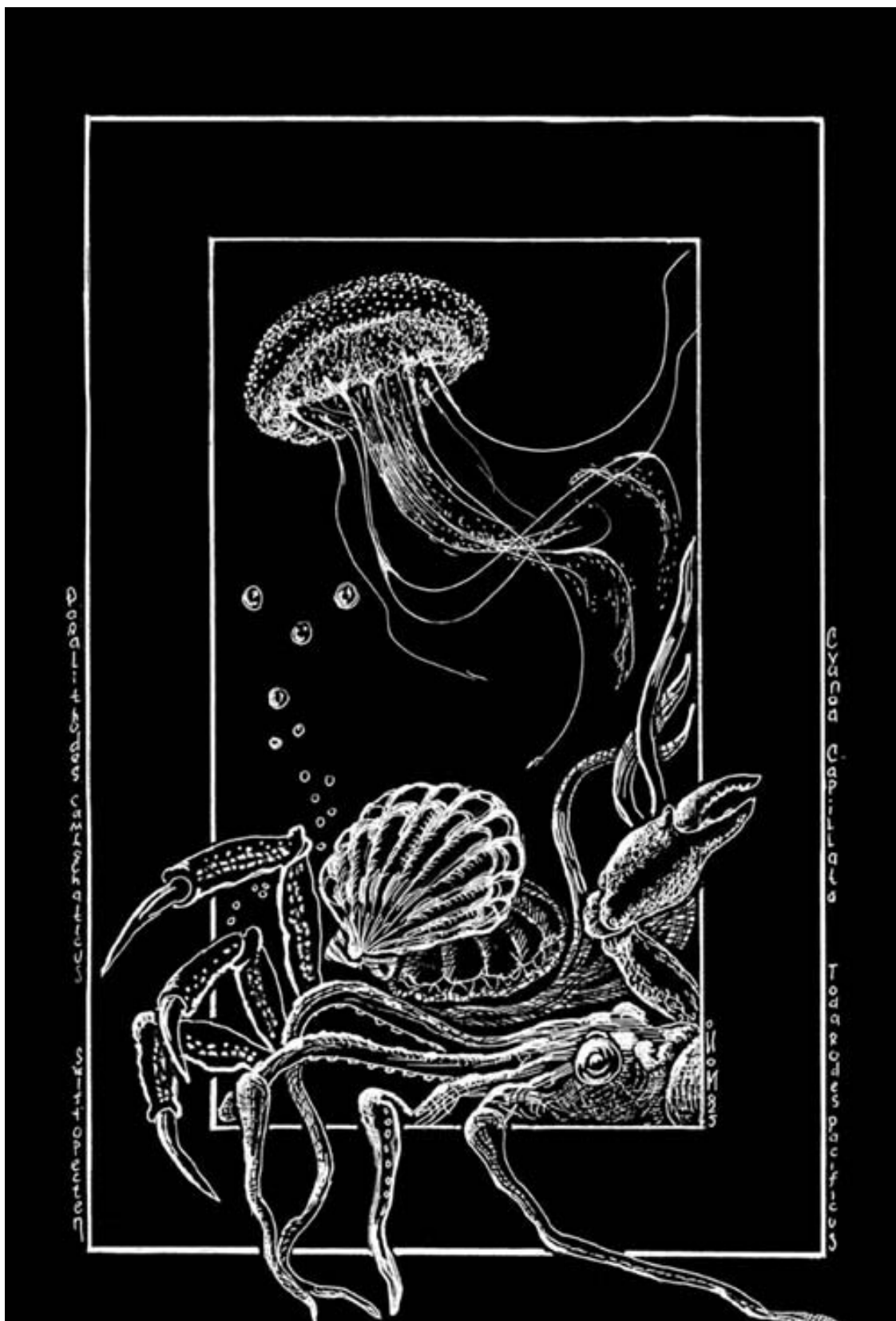
Американцы, чуткие к маркетингу и брендингу, выкатили претензию – это совсем не те консервы, о которых договаривались. Пришлось возвращать Chatka. С тех пор по всему миру их так и знают. С прикольным креативным названием. «Всем попробовать пора бы, как вкусны и нежны крабы». Баночка 150 грамм 76.89 евро за штуку нынче.

Старосоветские люди до сих пор рассказывают про вечно голодные годы, когда в магазинах не было ничего, кроме баночек с крабами.

Мы, младосоветские жители Камчатки (но не камчадалы), можем дополнить картину: даже в унылом продовольственном ландшафте рыба в кляре и крабовые ноги по 3.50 рублей

за килограмм оставались константой. И это сильно скрашивало потребительскую корзину раннего, а также позднего брежневизма.

Наверное, самым запоминающимся в этой картине был этот контраст – между общей весьма ограниченной гастрономической картиной и натуральным люксом в сегодняшнем понимании: ну как же – это камчатские крабы! Мы шли после работы за парой-тройкой килограммов краба (недорогого, как вы заметили), брали пару ящиков «Жигулевского», собирали гостей и доставали обычные ножницы. И да – надо было застелить ковровин газетами, иначе жить в квартире будет невозможно. Запах крабовой жидкости неистребим.

У каждого люкса есть обратная сторона. А сам люкс – понятие договорное. Как, скажем, красота или уродство.

Кто про что, а я опять про еду.

Как в любом приличном городе, в Петропавловске был (и, я надеюсь, до сих пор есть) мяскокомбинат. Его флагманским продуктом были пельмени. Пельмени вообще были центральным социальным конструктом. Может быть, этот комбинат и выпускал что-то еще мясное, но основным народным продуктом были-таки пельмени. Остального ширнармассы не видали. И еще важнее были «пельменные». Некоторые имели народные названия типа «Три поросенка». Я даже не буду говорить, что та пельменная так называлась только потому, что там рулили три невероятные, шикарные дамы.

Ведь так красиво – стоит очередь из голодных мужчин, которые мечтают о пельменях с пивом, лотки с раздачей пустые, потому что все съедается быстрее, чем варится на кухне. И тут выходит Она – в не слишком белоснежном халате, с большими... ну в общем, с большим всем. И медленно-медленно выливает огромный чан пельменей в лотки. Очередь приходит в экстаз от этого кустодиевского эротизма. Недавно посмотрел я «Купчиху» Бориса Михайловича Кустодиева прямо в ГРМ: на столике у нее есть чай, есть арбуз, а также виноград, яблоки, выпечка и варенье.

Пельменей на картине нет. А роскошные плечи из «Трех поросят» – есть.

Так вот насчет роскоши. Когда мясо на полуострове заканчивалось совсем, хотя бы потому что оно все привозное, с «материка», то руководство мяскокомбината оказывалось перед выбором: останавливать производство пельменей на неопределенный срок или придумывать что-то очевидное, но революционное. И тогда комбинат начинал делать пельмени из того, что есть под рукой в достаточных количествах, – из лосося. И все такие: «фу-у-у, как можно, какая гадость, опять эти рыбные пельмени». Натуральное потребительское дно.

Вполне возможно, это происходило из-за общественной психологической гастротравмы – Камчатка тогда была местом, где даже курятина пахла рыбой. Да в общем, любые животные пахли рыбой – ведь их кормили рыбной мукой. Но тут покусились на святое – пельмени!

И так бы это все и пропало в глубине моей памяти. Только однажды в каком-то парижском ресторане в меню мне попалось что-то там «авек сомон». И вот сижу я и смотрю на четыре гордых пельменя с лососем за двадцать восемь евро (такое не забывается) и думаю: дорогие жители Камчатки, мы были неправы.

Где вы, дамы из «Трех поросят»? Где вы, Кустодиев и Рубенс? Где вы, промышленные пельмени с лососем?

А вот они-то никуда не девались.

Пельмени «Камчадалочка» – кижуч, кета и гребешок, полкило за 3.80 евро. Почему в евро, а не в рублях? Да потому что хочется кинуть эту мороженую коробку на тот парижский ресторанный стол: «Видали? Вот это „авек сомон“!» От нового камчатского мяскокомбината, который даже не помнит, что курица и свинья могут пахнуть рыбой. Ну, разве что в китайском ресторане.

Но вы же заметили, что маркетологи опять вспомнили про камчадалов? Причем, судя по логу на коробке с пельменями, они даже знают, о ком они говорят, – там изображена круглолицая девушка в условно национальном костюме.

И тут мы обращаемся к теме плавильного котла народов под названием Дальний Восток. И, в частности, к тому, кто же населял и населяет Камчатку.

Для начала: все колебания в количестве населения тут связаны сугубо с политическими и административными решениями властей, а вовсе не с естественными процессами демографии. Ведь в начале XX века народу тут было совсем мало, тысяч тридцать, и вдруг в 1939-м происходит скачок аж до ста. Но вовсе не потому что внезапно сюда приехали десятки тысяч за туманом и за запахом тайги, нет. К тому же тайги как таковой на Камчатке нет. За тайгой – это в Приморье, господа.

Просто к тому моменту в состав Камчатской области включили и Чукотский, и Корякский национальные округа, а потом поставили базу подводных лодок, тогда еще дизельных.

Конечно, сложно себе представить, как можно из Петропавловска управлять такой гигантской территорией – вплоть до Анадыря и мыса Дежнева – без развитой гражданской авиации хотя бы в виде парка вертолетов. А еще хуже – без интернета. Да и с дорогами тут напряженка. До сих пор. А может быть, они и не нужны. Это будут не то что золотые дороги, а просто бриллиантовые. Хотя от Октябрьского и Усть-Большерецка до Усть-Камчатска добраться можно. И таким образом даже переехать с побережья Охотского моря на побережье Берингова. Это примерно третья часть из всех тысячи шестисот километров длины области.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.